

18+

Кира Лалори

Чёртова Дюжина

Архитектура Сновиден

Кира Лалори

**Архитектура Сновидений.
Чёртова дюжина**

«Издательские решения»

Лалори К.

Архитектура Сновидений. Чёртова Дюжина / К. Лалори —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Где
проходит черта между уютом и первобытным ужасом? Она таится
в сапфировом мерцании над мертвым Эшвудским лесом. В скрипе половиц
над пустой алюминиевой ванной. В глухом ударе свинца, разрывающего
перепончатые крылья. Тьма дышит в затылок, заманивая в обсидиановые
лабиринты и запертые комнаты. Прятаться бесполезно — она уже знает, чего
ты боишься.

© Лалори К.

© Издательские решения

Содержание

Архитектура Сновидений	6
Затаившийся во Мраке	6
Призраки Медовых Лугов	9
Мыс Утопленников	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Архитектура Сновидений Чёртова Дюжина

Кира Лалори

Иллюстратор Ms.Lulling

Дизайнер обложки Ms.Lullaby

© Кира Лалори, 2026

© Ms.Lulling, иллюстрации, 2026

© Ms.Lullaby, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-0444-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Архитектура Сновидений

Затаившийся во Мраке

Старинная усадьба Чарльза Мюррея возвышалась на самом краю древней, нетронутой топором чащи, где кроны вековых дубов и вязов сплетались в плотный, почти непроницаемый свод, отсекающий солнечный свет. Хозяин поместья находил в этом угрюмом соседстве особое утешение, ежедневно отправляясь на многочасовые пешие прогулки. Единственным спутником Чарльза в этих долгих, уединённых скитаниях был Честер — упитанный, неповоротливый на первый взгляд, но поразительно проворный в моменты азарта мопс. Они уходили от кованых ворот поместья далеко вглубь лесных лабиринтов и бродили там до самых глубоких сумерек, растворяясь в первозданной тишине природы.

Чарльз искренне, всем сердцем любил каждую ипостась этого дикого края. Зимой, когда ледяной ветер выл в голых ветвях, они пробирались сквозь хрустящие, искрящиеся в свете луны сугробы. Честер забавно фыркал, лоя своим коротким чёрным носом крупные снежинки, и оставлял за собой цепочку глубоких круглых следов. Летом, спасаясь от удушающего зноя открытых полей, они находили приют в густой, влажной тени гигантских папоротников, вдыхая густой аромат нагретой смолы и цветущего мха. Осенью лес превращался в меланхоличный чертог: хозяин и пёс часами брели по толстому, шуршащему ковру из прелых золотых и багровых листьев, слушая редкие крики улетающих птиц. Даже весной, когда тающий снег превращал землю в чавкающую, непролазную грязь, Чарльз не отказывался от привычного моциона. Он натягивал тяжёлые рыбацкие сапоги по самое бедро, и они отправлялись месить холодную жижу. Честер обожал эти вылазки: он носился кругами как заведённый, яростно рычал на вырванные с корнем почерневшие пни, радостно хрюкал и раз за разом приносил брошенные хозяином тяжёлые палки. Пёс возвращался к крыльцу весь перемазанный торфом и глиной, тяжело дышащий, но абсолютно счастливый.

В пору позднего лета Чарльз впервые обратил внимание на интересную аномалию. На стволе старого, причудливо искривлённого вяза, росшего на дне сырого оврага, появился странный чёрный нарост. Изначально он напоминал обычный сгусток запёкшейся, больной древесной смолы или крупный трутовик неправильной формы. Однако время неумолимо шло, сезоны сменяли друг друга, а уродливая опухоль на потрескавшейся коре продолжала пухнуть, наливаясь дурной, тяжёлой массой.

Во время своих ежедневных прогулок Чарльз взял за привычку останавливаться возле этого дерева, влекомый необъяснимым, болезненным любопытством. Вскоре под мощными, выступающими из земли корнями вяза начали появляться пугающие душу находки. Сперва это были высохшие, пустые хитиновые панцири крупных лесных жуков, словно кто-то высосал из них все жизненные соки. Затем на мху стали скапливаться крошечные, хрупкие птичьи косточки, начисто лишённые плоти, и скомканные, слипшиеся перья синиц и зябликов. Нарост питался. Он приобретал пугающие, гротескные объёмы, а его поверхность, казалось, едва заметно пульсировала в такт невидимому гнилоственному сердцу. Лес вокруг вяза словно вымер: исчез стрёкот насекомых, смолкли птичьи трели, оставив лишь глухую, давящую на барабанные перепонки тишину.

Развязка этой мрачной тайны наступила в один из промозглых, затянутых густым туманом ноябрьских вечеров. Воздух пах сыростью и гниением. Чарльз, желая развеять заскучавшего питомца, с силой метнул обломанную ветку. Деревяшка, кувыркаясь в воздухе, упала прямо к подножию того самого проклятого вяза. Честер, залиvisto лая, радостно ринулся за добычей, не чувствуя исходящей от дерева угрозы.

И тут жёсткая кора треснула с влажным звуком рвущейся плоти.

Чёрный нарост зашевелился, стремительно разворачиваясь. Кожистые, покрытые густой слизью складки с мерзким хрустом суставов расправились в огромные перепончатые крылья, заслонив собой остатки тусклого вечернего света. На толстой нижней ветке сидела громадная, сгорбленная человекоподобная летучая мышь. Её слепые, белёсые глаза-бусины устали вниз, вstopорщенная жёсткая шерсть на загривке встала дыбом, а из пасти вырвался тонкий, режущий уши ультразвуковой свист.

Чарльз в ужасе попятился, срывая голос в отчаянном крике, призывая собаку назад. Честер рванул на зов, но его короткие, крепкие лапки безнадежно увязли в глубоком слое мокрой опавшей листвы. Тварь бесшумно, словно сотканная из самого мрака, спикировала вниз. Длинные когтистые лапы мёртвой хваткой сомкнулись на толстой спине мопса, рывком подняв брыкающееся животное в воздух.

В этот миг липкий, парализующий первобытный страх, сковавший было грудь Чарльза ледяными тисками, сгорел дотла за долю секунды. Его место заняла дикая, не знающая преград ярость. Мужчина развернулся и бросился за улетающей тварью, сдирая кожу в кровь о колючий кустарник и ломая грудью сухие ветви.

Чудовище, отягощённое весом бьющейся жертвы, тяжело взмыло обратно на свой родной вяз. Оно плотно обхватило Честера огромными крыльями, на глазах сворачиваясь в первоначальную форму пульсирующего кокона, намереваясь переварить свежую добычу заживо в своих кожистых объятиях. Изнутри этой мерзкой плотской тюрьмы донёсся приглушённый, отчаянный, полный боли и ужаса скулёр преданного пса.

Чарльз окончательно осатанел. Он голыми руками выковыривал из стылой земли тяжёлые булыжники, подбирал толстые обломанные сучья и с нечеловеческой, исступлённой силой швырял их в чёрную содрогающуюся массу.

— Отпусти его, мразь! — хрипло ревел он, срывая связки. — Отдай мою собаку, дьявольское отродье!

Внезапно в кустах неподалёку громко хрустнули ветки. На узкую тропинку выскочил сосед, мистер Хейл, местный фермер, вышедший в сумерках проверить свои силки на зайцев. Он застыл соляным столбом, ошарашенно переводя взгляд с обезумевшего, измазанного грязью Чарльза на издающую утробное чавканье опухоль на стволе дерева.

— Чего ты стоишь, идиот?! — неистово заорал Чарльз, заметив свидетеля. — Помогай, живо!

Но фермер оцепенел, парализованный открывшимся ему кошмаром. Взгляд Чарльза лихорадочно метнулся к тяжёлой кожаной кобуре, висящей на широком поясе соседа. Не теряя ни единого драгоценного мгновения, он хищным прыжком подскочил к оцепеневшему мужчине, грубо, с силой выхватил из чехла армейский револьвер, взвёл тугой курок и вскинул руку, целясь в центр чёрного сгустка.

Грянул оглушительный выстрел.

Тяжёлая пуля с глухим треском ударила в кору буквально в дюйме от монстра, во все стороны брызнули острые щепки. Вой Честера внутри нароста перешёл в истошный, задыхающийся визг. Руки Чарльза ходили ходуном от адреналина и напряжения, но он стиснул зубы, обхватил рукоять оружия обеими ладонями, заставил себя задержать дыхание и плавно, без рывка, нажал на спусковой крючок во второй раз.

Слепящая вспышка дульного пламени разорвала надвигающуюся ночную тьму. Громкое эхо заматалось между стволами. На этот раз пуля с чавкающим звуком пробила тугую кожистую плоть. Тварь издала булькающий, невыносимо мерзкий влажный визг, от которого заложило уши. Её крылья в предсмертной конвульсии распахнулись. Густая и зловонная кровь обильно брызнула на старую кору вяза, оставляя дымящиеся подтёки. Уродливые когти окончательно разжались, и Честер кубарем полетел вниз, глухо шлёпнувшись на мягкую подушку

из мха. Следом, ломая мелкие ветки своим весом, свалилось и само чудовище. Оно несколько раз судорожно дёрнулось у корней дерева, скребя когтями землю, и навсегда затихло.

Чарльз отшвырнул дымящийся револьвер прямо в грязь и на ватных ногах бросился к своей собаке. Он упал на колени, судорожно ощупывая питомца, и крепко прижал к груди грязного, трясущегося крупной дрожью, но живого и невредимого мопса. Честер благодарно лизнул хозяина в мокрую от пота щеку.

С тех пор миновало немало времени, и их размеренная жизнь постепенно вернулась в привычное русло. Они всё так же ежедневно покидают тёплую усадьбу и уходят гулять в любимую лесную глушь, наслаждаясь свежим воздухом и тишиной. Изменилась лишь одна маленькая, но жизненно важная деталь. Теперь, заходя под густую сень древних деревьев, Чарльз первым делом предельно внимательно осматривает каждый массивный ствол на своём пути, а правую руку всегда держит в глубоком кармане шерстяного пальто, намертво сжимая блестящую рукоять купленного револьвера.

Призраки Медовых Лугов

Топография Медовых Лугов всегда казалась мне изошрённой насмешкой над здравым смыслом уездных картографов. Здесь, под бездонным лазурным куполом небес, где бескрайние поля золотой кукурузы ритмично колыхались под дыханием тёплого южного ветра, а воздух гудел от деловитого роения пчёл, таилась пространственная аномалия. Граница между владениями моего покойного отца, Иеремии, и фермой его соседа, старика Илайджи, обладала пугающей, почти мистической текучестью. Этот клочок земли размером ровно в одну морковную грядку стал ареной векового противостояния, поистине эпического в своей бытовой нелепости.

Сколько я себя помню, забор между участками никогда не стоял на месте. Древесина, из которой он был сколочен, давно пропиталась эманациями чистого, неразбавленного старческого упрямства. Под покровом безлунных ночей, когда нормальные люди спали, мой отец, вооружившись фомкой и керосиновой лампой, совершал тайные вылазки, дабы перенести ограду на три дюйма вглубь территории соседа. На следующую ночь Илайджа, чьё присутствие выдавал лишь скрип ревматичных коленей да приглушённое сопение, сдвигал конструкцию на прежнее место, отвоёвывая свои священные пяди чернозёма.

Их война велась с изобретательностью, достойной величайших стратегов античности. Я до сих пор помню Великий Свиной Инцидент тысяча девятьсот двенадцатого года. Тогда Илайджа проснулся поутру и обнаружил, что его племенные свиньи приобрели возмутительный кобальтово-синий оттенок, превратившись в стадо сюрреалистических бестий, мирно жующих жёлуди. Ответный удар не заставил себя ждать: ровно через неделю отец нашёл своё любовно ухоженное картофельное поле порабощённым. Коварно высаженные в междурядьях семена исполинских тыкв дали буйные всходы, и их мясистые зелёные плети, подобно щупальцам сухопутных осьминогов, безжалостно оплели всё пространство.

Они воровали друг у друга пустые ящики из-под рассады, прятали их в самых недрах амбаров, а затем писали анонимные кляузы местному шерифу. Они меняли местами стеклянные бутылки с молоком, оставляемые утранным разносчиком на крыльце, предварительно подмешивая в них свекольный сок. Я всегда находил эту вражду утомительной. Будучи студентом, приезжая на каникулы в родные пенаты, я лишь качал головой, слушая громогласные тирады отца о «бесчестных территориальных захватах» этого «старого мошенника». Мне, выбравшему городскую суету и карьеру бухгалтера, аграрные страсти казались забавным пережитком прошлого.

Но время неумолимо. Отец мирно отошёл в мир иной в возрасте восьмидесяти лет, так и сжимая в руке схему идеального подкопа под вражеский курятник. Илайджа пережил его ровно на месяц — видимо, потеряв единственный стимул к существованию, он просто угас от банальной скуки. Ферма перешла ко мне.

Мы прибыли в Медовые Луга в середине июля на дребезжащем, чихающем сизым дымом «Форде». Моя жена Сара, женщина с непоколебимой психикой и талантом к выпечке, сразу же распахнула все окна старого дома, впуская внутрь запахи нагретой древесины, мёда и цветущего клевера. Наш пятилетний сын Тео, вооружённый деревянным мечом, немедленно отправился исследовать амбар. Солнце заливало половицы густым янтарным светом. Дом дышал покоем, уютом и тем особым, тёплым забытьём, которое свойственно старым фермам.

Странности начались на третий день.

Местные законы мироздания, годами пропитывавшиеся яростной энергией двух стариков, явно дали сбой. Первым сигналом послужило молоко. Сара оставила кувшин на подоконнике, а вернувшись через минуту, обнаружила, что сосуд переместился на край стола, причём его содержимое приобрело отчётливый розоватый оттенок. Вечером того же дня, сидя на веранде с трубкой, я услышал знакомый звук. Это было характерное, ни с чем не сравнимое

кряхтение моего отца, за которым последовал звонкий металлический щелчок — точно такой же звук издавала его любимая лопата, ударяясь о камень при попытке выкопать яму под столбик забора.

Я спустился с крыльца и подошёл к границе участков. Никого. Лишь сверчки пели свою монотонную песню, да светлячки чертили в воздухе светящиеся иероглифы.

На следующее утро Тео прибежал на кухню, радостно размахивая надкусанным овсяным печеньем.

— Мам, пап! Там невидимки в кукурузе живут! — заявил он, уплетая свой завтрак. — Они смешные. Один ругается, что у него спина болит, а другой говорит, что у него сейчас лопата сломается. Я им печенье дал, они его прямо в воздухе схватили!

Сара лишь улыбнулась, вытирая руки о передник. Её невозможно было напугать полтергейстом, если этот полтергейст не оставлял грязных следов на свежeweымытом полу.

— Надеюсь, ты предложил им салфетки, милый? — невозмутимо спросила она. — Духи или нет, а крошить на грядки неприлично.

Вскоре мы смогли наблюдать феномен воочию. В самый разгар жаркого, безветренного полдня, когда воздух над Медовыми Лугами дрожал от зноя, над спорной грядкой сформировались два уплотнения. Это были небольшие, полупрозрачные облачка, искрящиеся на солнце, словно взвесь золотой пыли. Они пахли старым трубочным табаком, перечной мятой и лошадиным потом. Призрачные силуэты интенсивно кружили друг возле друга, издавая звуки, напоминающие приглушённое пчелиное гудение, сквозь которое отчётливо прорывались знакомые интонации.

— Твоя граница проходит по линии старого вяза, жулик! — фантомным басом гудело левое облачко, в котором я безошибочно узнал эманации отца.

— Мой дед сажал этот вяз на своей земле, вор! — визгливо парировал правый сгусток, принадлежавший, несомненно, духу Илайджи.

Внезапно с земли сам собой поднялся небольшой круглый камушек. Он взмыл в воздух и по баллистической траектории полетел в сторону моего отца. Камень прошёл сквозь призрачную субстанцию, не причинив вреда, но вызвав шквал возмущённого шипения. В ответ в воздух поднялась пригоршня сухой земли и обрушилась на невидимого соседа.

Мы стояли на крыльце, наблюдая за этой сюрреалистической дуэлью бестелесных фермеров. Тео радостно хлопал в ладоши, болея попеременно то за дедушку, то за Илайджу. Сара с интересом подпёрла щеку рукой.

— Знаешь, Питер, — задумчиво произнесла она, глядя, как невидимые руки выдёргивают из земли сорняк и швыряют его в противника. — Они так и будут вечность перебрасываться мусором. Их держит здесь не проклятие и не злой рок. Их держит этот дурацкий кусок дерева и привычка ругаться.

Призраки тем временем перешли к тяжёлой артиллерии. В воздухе зависла старая ржавая лейка, угрожающе покачиваясь над местом битвы. Было очевидно, что великое аграрное противостояние перешло на метафизический уровень. Земля Медовых Лугов отказывалась отпустить своих самых преданных и самых упрямых сыновей.

Я понял, что пора вмешаться.

— Сара, — сказал я, глядя на парящую лейку. — Замеси-ка тесто для своего фирменного вишнёвого пирога. Того самого, с толстым слоем глазури. А я пойду в сарай.

Я знал, что нужно делать. Пора было положить конец этой нелепой геометрии.

Я решительно направился к покосившемуся сараю, чьи пыльные недра хранили ржавый сельскохозяйственный инвентарь — безмолвного свидетеля минувших территориальных баталий. Схватив две увесистые штыковые лопаты, я торжественно вручил одну из них сыну, чьи глаза загорелись предвкушением великих свершений. Моя супруга, не задавая лишних вопросов, уже ловко орудовала скалкой на кухне. Её кулинарная магия, пропитанная арома-

том корицы и здравого смысла, должна была стать финальным аккордом в этом затянувшемся паранормальном водевиле.

Тем временем эфирные завихрения над спорной границей достигли своего апогея. Призрачные старики, слившись в пульсирующий вихрь эктоплазматической ярости, перешли грань дозволенного: теперь они швырялись не только комьями сухой земли, но и полуистлевшими кукурузными початками. Глухое потустороннее ворчание, полное хтонического упрямства, густым басом резонировало в самом воздухе, заставляя дрожать листья старого вяза.

Мы втроём бесстрашно шагнули прямо в эпицентр этой локальной пространственной аномалии. Духи, поглощённые своей бесконечной вендеттой, не обратили на нас ни малейшего внимания.

Я вонзил стальное лезвие под центральный столбик злополучного забора и навалился всем весом. Древесина, годами впитывавшая миазмы чистой старческой жёлчи, поддавалась с сухим, жалобным хрустом. Тео с восторженным энтузиазмом подкапывал соседнюю секцию своей маленькой лопаткой, отправляя комья земли в полёт. Мы работали методично и безжалостно. С каждой вырванной доской, с каждым поваленным пролётом вязкая, наэлектризованная атмосфера Медовых Лугов становилась всё легче. Геометрия раздора рушилась на глазах.

Когда последний гвоздь покинул многострадальную почву, а уродливый символ вечной вражды превратился в банальную грудку дров на растопку, на сцену вышла моя жена.

Прямо поверх взрытой, освобождённой земли она плавным движением расстелила широкое льняное покрывало. В центр этой импровизированной скатерти легло массивное керамическое блюдо. На нём покоился пышущий жаром вишнёвый пирог, щедро залитый глянцевою сахарной глазурью. Его густой, сладкий аромат мгновенно разогнал призрачные запахи трубочного табака и лошадиного пота.

— Джентльмены! — её голос прозвучал с той непререкаемой, абсолютной властью, перед которой пасуют даже обитатели иных измерений. — Хватит страдать ерундой. Пикник объявляется открытым. Время пить чай.

Астральная битва прекратилась столь же внезапно, как и началась. Два светящихся облачка замерли над покрывалом, напоминая пару сбитых с толку грозовых фронтов. В их мерцании читалось явное метафизическое недоумение — отработанный алгоритм вековой ненависти дал фатальный сбой перед лицом свежей домашней выпечки.

Вдруг один, самый румяный кусок пирога плавно оторвался от керамического блюда и взмыл в воздух. За ним тут же последовал второй. Из невидимых ртов раздалось вполне материальное, одобрительное и очень уютное чавканье.

— А Иеремия-то, — внезапно прогудело правое облако, и в голосе Илайджи чудесным образом исчезли все визгливые, потусторонние нотки, сменившись сытым умиротворением, — всегда знал толк в хороших невестках. Изумительное тесто. Просто тает.

— Илайджа, старый ты плут, — басовито, но удивительно миролюбиво отозвалось левое облако, аккуратно пережёвывая вишню. — Признаю... твои кобальтово-синие свиньи тогда смотрелись просто великолепно. Настоящий авангард. Я смеялся до колик.

Тишину Медовых Лугов разорвал смех. Это был не жуткий вой из преисподней, от которого стынет кровь, а искренний, раскатистый хохот двух старых друзей, наконец-то осознавших всю космическую абсурдность своей ссоры.

Призрачные сгустки энергии закружились в последнем, радостном танце над бывшей границей. Они смеялись всё громче, заразительнее, пока их мерцающие очертания не начали таять, смешиваясь со струящимся с небес золотистым солнечным светом. Тёплый южный ветер подхватил эту искрящуюся пыльцу и бережно понёс её ввысь, растворяя в лазури. Их колоссальное упрямство, служившее единственным якорем в этом мире, исчезло без следа, уступив место прощению и сытости.

Мы остались сидеть на расстеленном покрывале, неторопливо попивая чай и глядя на бескрайние, теперь уже ничем не разделённые плодородные уголья. На Медовых Лугах воцарился глубокий, нерушимый покой.

Мыс Утопленников

Калёб унаследовал от отца не только обветренный катер с низкой, пропитанной солью деревянной рубкой, но и тяжёлое, неблагодарное ремесло, которое с каждым годом приносило всё меньше плодов. Старик знал море как свои пять пальцев, он учил сына читать течения и угадывать рыбные тропы, но теперь эти подводные пути опустели. Море словно вымерло. Каждое утро Калёб заводил чихающий мотор своего катера, выходил за мол и с глухим отчаянием разматывал неподъёмные, пахнущие йодом и ржавчиной сети, чьи свинцовые грузила с тяжёлым плеском уходили в мутную толщу воды. В то утро всё было как обычно: погода стояла ясная, солнце слепило глаза, отражаясь от спокойной глади, но после многочасового траления в ячеях билась лишь горстка мелкой, никуда не годной рыбёшки. Бизнес Калёба медленно шёл ко дну, долги росли, и кредиторы уже недвусмысленно угрожали забрать судно. В порыве сжигающего изнутри отчаяния рыбак посмотрел на запад, туда, где из воды торчали чёрные, похожие на гнилые зубы скалы мыса Утопленников. Ни один моряк в здравом уме не направлял туда штурвал — это место считалось проклятым, окружённым бритвенно-острыми рифами и коварными водоворотами. Но Калёбу больше нечего было терять. Он решительно толкнул рукоять газа, направляя свой жалкий катер прямо к запретной территории. Едва нос судна пересёк невидимую границу гибельных вод, как ясное небо мгновенно затянуло непроглядной, чернильной тьмой. Штиль сменился яростным рёвом ветра. Вода вокруг закипела, поднимаясь гигантскими, пенящимися стенами. Катер швыряло из стороны в сторону, как щепку; ледяные волны с грохотом обрушивались на палубу, заливая рубку и сбивая с ног. Калёб отчаянно вцепился в штурвал, пытаясь выровнять судно, но очередной чудовищный вал швырнул катер на скрытый под водой риф. Рыбака отбросило назад, его затылок с хрустом встретился с железным поручнем лебёдки, и мир поглотила абсолютная, звенящая пустота.

Очнулся он от ощущения мягкого тепла. Калёб лежал на ослепительно белом, мелком, как пудра, песке, а к его правой щеке плотно прилипла влажная морская звезда. С трудом отлепив её и сев, он не поверил своим глазам. Проклятые рифы исчезли. Он находился на берегу невероятного, залитого ласковым светом острова. В воздухе плыл густой аромат сладкого нектара и нагретой солнцем коры. Чуть поодаль, у изящного деревянного мостика, заботливо привязанный плетёным канатом, покачивался его катер — целый и невредимый. Понимая, что здесь есть разумная жизнь, Калёб шагнул вглубь зарослей, поражаясь каждому увиденному чуду. Листья деревьев переливались изумрудными и перламутровыми оттенками, а среди ветвей порхали птицы с оперением, сияющим, как драгоценные камни. Внезапно из-за кустов с широкими розовыми листьями вывалилась группа странных животных. Они напоминали упитанных медведей, но с огромными, пушистыми, как у лисиц, хвостами. Звери как раз лакомились пахучей листвой, но, заметив человека, бросились прямо к нему. Калёб в ужасе попятился, ожидая удара когтей, но массивный зверь лишь мягко ткнулся влажным носом ему в живот, а его детёныши принялись тереться о ноги рыбака, тихо урча.

«Они не причинят тебе зла, путник», — этот голос раздался не снаружи, а зазвучал прямо в его мыслях, проникая в самое естество, чистый, как перезвон хрусталя. Он резко обернулся и увидел её. Незнакомка обладала мягкими, женственными формами, подчёркнутыми простым платьем из грубого льна. Её густые, иссиня-чёрные волосы тяжёлыми волнами спадали на плечи, а огромные, глубокие тёмные глаза мерцали теплотой и нездешним светом. Калёб замер, поражённый: такой чистой, первозданной красоты он не встречал ни в одном порту мира. Его сердце мучительно сжалось, а душу затопило внезапное, щемящее чувство абсолютного покоя и нежности к этому невероятному созданию. На её шее и запястьях переливались украшения из отполированных ракушек, кораллов и гладких прозрачных камушков. Она не размыкала губ, но её мысли продолжали струиться в его разуме, объясняя, что на этом острове нет хищ-

ников и нет самого понятия жестокости. Калёб, дезориентированный телепатическим вторжением и очарованный девушкой, лишь неуверенно кивнул, не в силах отвести от неё взгляда.

Она повела его по тропе, которая вывела их к небольшой деревне. Круглые деревянные домики с крышами из сухих пальмовых листьев гармонично вписывались в ландшафт. Жители, облачённые в такие же простые одежды, махали ему руками, улыбались, и в тот же миг в мыслях рыбака взорвалась какофония радостных приветствий. Десятки голосов зазвучали в его сознании одновременно, отчего у Калеба потемнело в глазах, и он схватился за виски, чувствуя, как разум готов расколоться пополам. Наваждение прекратилось, когда к нему подошёл старейшина — сухонький дед, чья кожа была сплошь покрыта замысловатыми татуировками, напоминающими морские волны. Старик поднял руку, успокаивая соплеменников, и мысленно обратился к гостю. Он поведал, что их народ, Элури, уже тысячи лет скрывается от большого мира. Старейшина объяснил, что цивилизация за морем пропитана ядом: там царят обман, алчность, предательство и войны, в то время как здесь, в изоляции, они достигли абсолютной гармонии, наслаждаясь каждым вдохом и не зная ни нужды, ни горечи. Калеба угостили невероятной трапезой: сочными плодами, тающими во рту, и какой-то необычной густой похлёбкой, вкуснее которой он не пробовал за всю свою жизнь. Элури не позволили ему остаться надолго, понимая, что его разум ещё слишком слаб для их мира, но они наполнили его катер доверху.

Когда Калёб вернулся в родной порт, его сети и трюмы ломились от невиданной, огромной рыбы с серебристой чешуёй. Этого улова с лихвой хватило, чтобы расплатиться со всеми долгами, выкупить закладные и даже расширить дело. Но с того самого дня, как его нога вновь ступила на грязную брусчатку портового города, жизнь потеряла для него всякий смысл. Богатство не принесло радости. Обычная еда казалась ему картоном, провонявшим машинным маслом, а воздух родного города сдавливал горло тошнотворными миазмами сточных канав и нечистот. Он смотрел на своих собутыльников, с которыми раньше резался в покер, и видел лишь алчные, налитые дешёвым пивом глаза, искажённые злобой и завистью. Мир людей стал для него невыносимой, удушающей клеткой. В один из вечеров, не в силах больше терпеть эту разъедающую тоску и бесконечные мысли о той черноволосой девушке, чей образ навсегда отпечатался в его памяти, Калёб впал в слепую ярость. Он проклинал всё вокруг, крушил стулья в местном трактире, а затем напился до состояния животного беспамятства и рухнул в грязную лужу на задворках скотобойни.

Именно там его и подобрала ночная повозка, собиравшая по улицам умерших бродяг. Возница, привыкший к окоченелым телам, даже не стал проверять пульс бесчувственного, провонявшего перегаром рыбака, просто зашвырнув его в телегу поверх остальных бедолаг. Калёб пришёл в себя от тряски, но его парализованный алкоголем мозг отказывался воспринимать реальность. Он слышал скрип колёс, чувствовал под собой что-то холодное и жёсткое, но воспринимал это как продолжение пьяного кошмара. Повозка остановилась на самом краю города, у глубокого оврага, где местный гробовщик наспех избавлялся от неопознанных трупов, сваливая их в братскую могилу, чтобы избежать зловония. Калёб почувствовал, как его грубо столкнули вниз. Он ударился о чьё-то ледяное плечо. Сквозь туман в голове пробились мысли: «Надо же, какой реалистичный сон». А затем сверху посыпалась сырая земля. Она ударила его по лицу, забила в нос и рот. Калёб лежал неподвижно, пока слой грунта не стал настолько тяжёлым, что сдавил грудную клетку, перекрыв доступ к кислороду. Лишь когда удушье разорвало алкогольный паралич, инстинкт выживания ударил в мозг подобно молнии. Это был не сон. Его хоронили заживо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.